

С.В. БАЛУЕВСКАЯ (*Вологда*)

ПОЭТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ПОХОРОННЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ ПРИЧИТАНИЙ НЮКСЕНСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: К ВОПРОСУ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы систематизации поэтических мотивов похоронно-поминальных причитаний, зафиксированных в ходе фольклорных экспедиций Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета на территории Нюксенского района Вологодской области. В текстах причитаний выделяются следующие *поэтические мотивы*: исполняемые в рамках одной обрядовой ситуации – *моноритуальные поэтические мотивы*, и многократно актуализируемые в контексте похоронной или поминальной обрядности, похоронно-поминального комплекса в целом – *полиритуальные поэтические мотивы*.

Ключевые слова: похоронные и поминальные причитания, поэтические мотивы причитаний, моноритуальные и полиритуальные поэтические мотивы.

Summary: This article deals with the systematization of poetic motifs funeral laments recorded in the folklore expeditions of Center for Traditional Folk Culture of the Vologda State University in the territory Nyuksensky district, Vologda region. In the texts of laments are distinguished poetic motifs executables in one ritual situation - mono ritual poetic motifs, and repeatedly actualized in the context of the funeral ceremonies, funeral complex as a whole – poly ritual poetic motifs.

Keywords: funeral laments, poetic motifs of laments, mono and poly ritual poetic motifs

В ходе полевых исследований Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета за период с 1981 по 2014 г. зафиксированы обширные фольклорно-этнографические сведения по причетным традициям Вологодского края. Значимую часть экспедиционных данных составляют материалы, принадлежащие сфере похоронно-поминальной обрядности. В работе анализируются похоронные и поминальные причитания Нюксенского района Вологодской области, рассматриваются вопросы систематизации структурно-содержательных компонентов фольклорных текстов.

Следует указать на проблемы, возникающие при изучении сольных форм причитаний, связанные с определением целостности текстов художественного высказывания, выявлением контекста их бытования (принадлежности к обрядовому моменту), которые обусловлены как обстоятельствами записи (в «живой» ситуации, при реконструкции, по воспоминаниям), так и психофизиологическим состоянием исполнителей.

Вербальная составляющая сольных причитаний представляет собой контаминацию типовых поэтических мотивов при наличии постоянных структурообразующих компонентов текста. К таковым в похоронных и поминальных причитаниях Нюксенского района Вологодской области относятся *зачины-обращения* к умершему согласно степени родственных или общичных отношений:

- к родителям: «моя родимая мамушка» / «мой родимой жо батюшко»,
- к супругу: «моя любая-та ладушка», «моя милая ладушка», «ты, моя лада милая»,
- к детям: «моё сердце-ньё дитятко»,
- к сестрам и братьям: «моя родимая сестрица» / «мой родимой-от брателко»,
- к племяннику: «мой любимой племянницёк»,
- к зятю: «мой желанной-от зётюшко»,
- к подруге: «моя любая подруженька»,
- к соседке: «блажная моя суседушка» и т.п.

Притяжательное местоимение «мой» / «моя», подчеркивающее принадлежность и близость отношений, в обращении к умершему может заменяться на личное «ты» (например, «ты, родимой ты, батюшко»), акцентирующее межличностный уровень коммуникации.

Как правило, все обращения к покойному в нюксенской традиции предваряются эпитетами, отражающими орнитоморфные представления деревенских жителей, где женский образ определяется как «моя сизая голубушка», а мужской – «голубчик мой сизенькой» или в развернутой поэтической форме:

Голубчик ты сизенькой,
Лебедчик ты бывенькой,
Мой любимой племянничёк

(Нюксенский, Нюксеница, ЭАФ ЦТНК ВоГУ 1265-31).¹

Тексты причитаний на вынос гроба с умершой открываются фразой «полите́ла-то лебедь белая»:
Полите́ла-то лебедь белая

Да из высокова терему
Дак на гусиных-то пёрышках,
Да на лебединых-то крыльышках

(Уфтиюгский, Кокшенская, ЭАФ ЦТНК ВоГУ 1268-40).

Покойный мужского рода в ситуации выноса гроба в словосочетании с глаголом «полетел» номинируется как «ястреб бывенькой, ястреб сизенькой» (городищенский),² «сокол ясный» (бронзоволовский, брусенский), либо выражением «пошло-покатилось моё красноё солнышко» (востровский).³

Зачином похоронных причитаний могут выступать обращения к участникам ритуальных действий, например к мастерам-гробовщикам («столяры-те вы, плотница-ки»). Присутствующие в обряде родственники, соседи, друзья умершего также упоминаются в причетных текстах, при этом близкие родственники покойного (родители, дети, супруг или супруга) наделяются образно-поэтическими характеристиками, отражающими их состояние горя, тоски, одиночества, сиротства.

Причитания, исполняемые в ситуации дороги (причитальщица приближается к дому, где находится умерший, или к могиле на кладбище), начинаются с фразы, комментирующей данный акциональный ряд: «я иду-то, зл’оцесница», «я иду потихонечку», «подхожу-то, я подхожу», «да я пришла-прикатила» и т.п.

Обязательным начальным компонентом структуры причетной мелостроики является возглас, который на нюксенской территории представлен следующими разновидностями: одноголосовой («Ой!») или двуголосовой («Ой, да!» или «Да ой!»), пятисложный («Охти, мнеченьки!», «Ой, тошнёшенько!»). Возгласная составляющая одно или двуголосового состава бытует в востровско-уфтиюгской зоне района (левобережье реки Сухоны). Исключение составляет верхнеуфтиюгская часть, где специфика похоронно-поминальных причитаний в отличие от рекрутских и свадебных определяется именно наличием пятисложного «Охти, мнеченьки». В городищенско-брусенском ареале (правобережье реки Сухоны) возглас имеет стабильную пятиголосовую основу, выраженную восклицанием «Ой, тошнёшенько» / «Ох, тошнёхонько».

В текстовой составляющей похоронно-поминальных причитаний следует выделить поэтические мотивы, которые исполняются:

- однократно в рамках одной обрядовой ситуации – моноритуальные поэтические мотивы, в основном содержащие констатацию происходящего обрядового действия;

- многократно в контексте обряда (похоронного или поминального), либо похоронно-поминального комплекса в целом, условно называемые – полиритуальные поэтические мотивы, как правило, отражающие горестное состояние родных и близких покойного.

Моноритуальные поэтические мотивы причетных текстов в нюксенской традиции могут представлять:

- сообщение о свершившемся действии или о намерении его совершиить, например:
Тебя бело-то вымыли,
Да красиво нардили

(Востровский, Вострое, ЭАФ ЦТНК ВоГУ 1391-29).

- опосредованное извещение о происходящем, в том числе с помощью риторических вопросов: «Ты куда собираешься, ты куда наряжаешься?» / «Ты куда собралась, ты куда нарядилася?».

Подобные однократно возникающие мотивы текста маркируют все значимые моменты похоронной обрядности, среди которых такие, как обряжение умершего, изготовление гроба («нового добничка»), вынос гроба, дорога на кладбище, прибытие на «святое быво», прощание, опускание гроба в могилу и другие. Отдельные мотивы похоронных причитаний, опосредованно представляющие происходящее обрядовое действие, локально зафиксированы на территории Нюксенского района, среди них:

- намерение устелить «мягкую постельюшку» покойному (уфтиюгский):

¹ Здесь и далее в скобках указывается место записи на территории Нюксенского района Вологодской области (сельский сельсовет, деревня / село), номер архивной единицы хранения экспедиционного аудиофона Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета (ЭАФ ЦТНК ВоГУ).

² Здесь и далее в скобках указаны административные единицы (сельские советы), бытующие на территории Нюксенского района Вологодской области в момент фиксации информации.

³ Следует отметить, что в востровском ареале, находящемся на пограничье нюксенской и великоустюгской зоны реки Сухоны, а также в бассейне реки Кичменьги (междуречье Сухоны и Юга) эпитетная составляющая обращения к умершему заменяется на «господарева ты моя» / «господарев ты мой», что отражается локальной спецификой причитаний данной местности.

Мне повыслать, повылодить,
Дак мягкая-та постёлюшка

(Уфтиюгский, Кокшенская, ЭАФ ЦТНК ВоГУ 1268-4).

- обращение к церковному служителю после отпевания умершего с просьбой «ходи помалёхоньку, кади потихохоньку» (дмитриевский):

Ты, духбонной наш батюшко,
Да ты ходи помалёхоньку,
Да ты кади потихохоньку

(Дмитриевский, Красавино, ЭАФ ЦТНК ВоГУ 491-23).

- констатация свершившегося действия (закрывание гроба) перед захоронением – «поубавили много свету бёлово» (uftiugский) и др.

В моноритуальных поэтических мотивах поминальных причитаний наибольшее выражение получил комплекс обрядов сорокового дня: приготовление к «застолью», «приглашение» покойного на кладбище, «встреча» и «угощение» умершего в доме, «проводы» (uftiugский, нюксенский, востровский).

Следует выделить мотивы причетных текстов, которые многократно исполняются в рамках целостного обряда – либо похоронного, либо поминального. Так, в похоронной обрядности к таковым относится среди прочих мотив «приходят росстáнушки, нам росстáтьце не хóнетце, нам розойтись, не подумати» (нюксенский, брусенский, березовский), в поминальной – обращение к силам природы с просьбой «разбудить» умершего (востровский, дмитриевский, нюксенский).

Поэтические мотивы, представляющие жалобы, укоры, сетования, являются полиритуальными и могут исполняться неоднократно в рамках как похоронной, так и поминальной обрядности, в их числе:

жалобы на одиночество: «я одна-одинёшенька», «оставил однú-одинёшеньку» (дмитриевский, востровский, нюксенский, уftiugский);

укоры покойному в том, что оставил «сиротой» (брусенский), «во печали, во горюшке» (востровский, нюксенский, брусенский);

укоры умершему в том, что оставил «малых детонёк»: «оставил(а) малых-то дётонёк», «оставил меня со мальным-то дётонькам» (востровский, дмитриевский, брусенский, нюксенский);

констатация горестного состояния близких родственников умершего: «все слезам уливаютце» (востровский, нюксенский, игмасский), «вокруг тебя убиваютце» (брусноволовский), «мнё-кашибко тошнёхонько» (востровский, дмитриевский, брусенский, нюксенский);

сетование на потерю защитника: «нанести на нас есть кому, призамолвить-то некому» (дмитриевский, нюксенский, востровский);

сетование на невозможность встречи – «больше нам не увидети» (брусенский, дмитриевский, нюксенский, востровский);

сетование на то, что умерший не пришлет «ни письма да ни грамотки» (востровский, нюксенский, брусенский);

мотив «как дальше жить-обживатисе» может быть представлен в виде:

- риторического вопроса – «как мне (нам / им) жить-обживатисе?» (дмитриевский, березовский, брусенский, бобровский, востровский, нюксенский, бrusnovоловский);

- просьбы – «накажи-ко как жить-обживатисе» (нюксенский, брусенский);

- укора – «не наказал(а) как нам (мне / ему) жить-обживатисе» (нюксенский, востровский).

Следует отметить, что такой поэтический мотив, как просьба к умершему «открыть очи», «посмотреть», «сказать словечко» (нюксенский, бrusnovоловский, востровский, игмасский), исполняется как в похоронной, так и в поминальной обрядности. При этом в ситуации поминовения данный мотив является составной частью текста причитания, включающего мотив обращения к силам природы («погодушка», «тúця грозная», «ветры буйные»), к птицам («гуси серые», «белые лебеди») с просьбой «разбудить», «раскрыть» покойного. В качестве примера приведем текст причитания, исполняемого на кладбище на второй день после похорон, когда согласно нюксенской традиции умершему «обед / завтрак носят»:

Ой, да прилетите-ко, гуси серые,
Ой, да вы роспóрхайте пески жёутые,
Ой, да росколите-ко доски дубовые.
Ой, да разбудите-ко, гуси серые,
Ой, да мою любимую лáдушку.

Ой, да ты откóй-косу глázonьки,
Ой, моя любáя-та лáдушка.
Ой, да расскажú-ко ты, лáдушка,
Ой, да как проводу́ жо ты ноченьку,
Ой, да без меня, без злочéсницы,
Ой, да без своих серьdéшных-то дéтонёк,
Ой, да без любимых-то внúчаток

(Востровский, Леваш, ЭАФ ЦТНК ВоГУ 1842-15).

Отсутствие строго регламентированных в содержательном наполнении текстов сольных причитаний, с одной стороны, знание закономерностей построения причетной формы (зачин и окончание, необходимые и возможные поэтические мотивы, их комбинации), с другой, позволяют народным исполнителям каждый раз заново воссоздавать причетный текст с учетом конкретной семейной ситуации, жизненных обстоятельств, личностных характеристик умершего. Это ярко отражено в высказываниях деревенских жителей: «Такой мотив напоминает-то ведь у кáждово своё гóрё, дак он своё выплáкиваёт. А тут уж и не то, што уж одно и тó же – у кáждово своё гóрё. Вот я, например, сечáс прочитала об подружке, дак я у иё всё и спрашивала, да ёй и говорила. А если уж о другом о ком (вот о родственниках), дак уж тут совсем другие слова, мелодия-та та, а слова-то другýи» (Нюксенский, Нюксеница, ЭАФ ЦТНК ВоГУ 1719-01).

Систематизация структурно-содержательных компонентов образно-художественной сферы сольных причитаний позволяет определить современное состояние изучаемой причетной традиции, установить степень полноценности зафиксированных фольклорных материалов, и шире – познать законы создания причетных текстов.

